

Как следует писать историю

Лукиан

Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.

– Харків: Майдан, 1998. – С. 41-44.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт Східного інституту українознавства імені Ковальських.

Адреса редакції:

Східний інститут українознавства імені Ковальських («Схід/Захід»), ауд. 4–87,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
пл. Свободи, 6,
Харків, 61077,
Україна.

E-mail: siu.kharkiv@gmail.com

Тел.: +38 057 705 26 30;
+38 096 1555 136

Веб-сайт: <http://keui.univer.kharkov.ua>

© Східний інститут українознавства імені Ковальських

© Автор статті

© Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

© Ідея та створення електронного архіву часопису – А. М. Домановський

ЛУКИАН. КАК СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

(Пер. с древнегреч. С.В. Толстой) *

Говорят, милый Филон, что абдеритов еще в правление Лисимаха постигла вот такая болезнь: сперва все поголовно заболели, началась сильная и упорная лихорадка; на седьмой день у одних пошла обильная кровь из носа, а у других выступил пот, тоже обильный, который прекратил лихорадку, но привел их умы в какое-то смехотворное состояние. Все абдериты помешались на трагедии и стали произносить ямбы и громко кричать, чаще же всего исполняли монологи Эврипидовой Андромеды, чередуя их с речью Персея. Город был полон людьми, которые на седьмой день лихорадки стали трагиками. < ... >

Итак, сопоставляя, как говорится, одно с другим, можно сказать, что тогдашняя болезнь абдеритов постигла теперь и большинство образованных людей. Они, правда, не декламируют трагедий — было бы меньшим безумием, если бы они помешались на чужих ямбах, и притом недурных, — но с тех пор, как начались теперешние события: война с варварами, поражения в Армении и постоянные победы, — нет человека, который бы не писал истории; больше того, все у нас стали Фукидидами, Геродотами и Ксенофонтами, так что, по-видимому, верно было сказано, что «война — мать всего», если одним махом произвела столько историков. < ... >

Правда, большинство думает, что не надо никаких наставлений в этом деле, так же как не надо умены для того, чтобы ходить, смотреть или есть, и считает, что писать историю — дело совсем легкое, простое и доступное каждому, кто только может изложить все, что ему придет в голову. Но ты, конечно, и сам знаешь, мой друг, что это дело не из легких, и его нельзя делать спустя рукава; как и всякое другое дело в литературе, оно требует наибольшей работы мысли, если желаешь, как говорит Фукидид, создать вечный памятник. < ... >

Так как всякие советы преследуют двойную задачу: учат одно выбирать, а другого избегать, — скажем сначала, чего должен избегать пишущий историю и от чего должен прежде всего освободиться, а затем — что он должен желать, чтобы не уклониться от прямого и кратчайшего пути. Как ему следует начать и в каком порядке расположить события, как он во всем

* Воспроизводится по изданию: *Лукиан из Самосаты. Избранное.* — М.: Гослитиздат, 1962. — С.402—426.

должен соблюдать меру, о чем умалчивать и на чем останавливаться, а о чем лучше упомянуть лишь вскользь, и как все это изложить и связать одно с другим, — обо всем этом и о подобных вещах после. < ... >

Итак, единственное дело историка — рассказывать все так, как оно было. А этого он не может сделать, если боится Аргаксеркса, будучи его врачом, или надеется получить в награду за похвалы, содержащиеся в его книге, пурпурный кафтан, золотой панцирь, пурпурную лошадь. Но этого не сделает ни Ксенофонт — настоящий историк, ни Фукидид; напротив, если он лично и ненавидит кого-нибудь, — общий интерес будет ему ближе, и истину он поставит выше личной вражды, и любимого человека не пощадит, если тот ошибается; вот в чем (я уже говорил) сущность истории, и тот, кто собирается заниматься ею, должен служить только одной истине, а всем остальным пренебрегать; вообще у него может быть только одно верное мерило: считаться не с теперешними слушателями, а с теми, кто впоследствии будет читать его книги. < ... >

Итак, да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного слова и истины, называющий, как говорит комический писатель, смокву смоквой, а корыто — корытом, не руководящийся ни в чем дружбой или враждой, не знающий пошлости или жалости, ложного стыда или страха, справедливый судья, доброжелательный ко всем настолько, чтобы никому не давать больше, чем он того заслужил, чужестранец, пока он пишет свой труд, не имеющий родины, не знающий никакого закона, кроме самого себя, не имеющий над собой никакого владыки, не мечущийся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающий то, что есть на самом деле. < ... >

Пусть же явится историк с такими взглядами на свою задачу. Относительно же языка и способа изложения я скажу следующее: пусть историк приступает к работе, не отточив свой язык для страстного и едкого стиля, избыточного периодами, запутанными умозаключениями и вообще всевозможными хитросплетениями риторики, но пусть он будет настроен мягче. Суждение его должно быть метким и богатым мыслями, а язык — ясным и достойным образованного человека, — чтобы им можно было наиболее отчетливо выразить мысль. < ... >

Что же касается до фактов, то их надо отбирать не как придется, но трудолюбиво и тщательно, обдумывая все по несколько раз; лучше всего писать о том, что сам видел и наблюдал. < ... > После того как историк соберет все или большую часть материала, пусть он сделает набросок, представляющий собою остов, еще лишенный украшений и не разделенный на части; затем, приведя все в порядок, пусть наводит красоту и расцветивает свой рассказ

фигурами речи и занимается ритмом. Вообще историк должен быть похож в это время на гомеровского Зевса, который созерцает то области всадников-фракийцев, то землю мизийцев: так и он должен видеть и изображать нам то события в нашем лагере, как они представляются ему, наблюдающему как бы с птичьего полета, то персов, или и то и другое вместе, если происходит сражение. < ... > Затем, когда все смешаются, взор должен охватывать все; историк должен взвешивать события, как на весах, следовать за преследующими и за бегущими.

Всему автор должен знать меру, чтобы рассказ не надоел, чтобы он не был безвкусным или игривым; историк должен уметь с легкостью оборвать повествование, должен переходить с места на место, если происходят важные события, и снова возвращаться, если дело этого требует. Всюду автор должен поспевать и, насколько возможно, соблюдать последовательность, переносясь из Армении в Мидию, а оттуда одним взмахом крыльев в Иберию, затем в Италию, чтобы нигде не упустить ни одного обстоятельства.

Но важнее всего, чтобы ум историка походил на зеркало, чистое, блестящее и правильно отшлифованное; каким оно принимает образы вещей, такими должно и отражать, ничего не показывая искривленным, или неправильно окрашенным или измененным. Задача историков не такова, как у ораторов; то, о чем надо говорить, должно быть рассказано так, как оно есть на самом деле. Ведь все это уже свершилось, — надо только расположить все и изложить.

Таким образом, историк должен обдумывать не *что* сказать, но *как* сказать. Вообще надо считать, что историк должен походить на Фидия и Праксителя, или Алкамена, или на кого-либо другого из художников, так как они не создавали золота, или серебра, или слоновой кости, или другого материала. < ... > Художники же только ваяли, пилили слоновую кость, облачивали ее, склеивали, и придавали соразмерный вид, и украшали золотом. Искусство состояло в том, чтобы должным образом использовать материал. Такова приблизительно и задача историка: хорошо распределить события и возможно более отчетливо их передать. < ... >

После предисловия, которое сообразно с предметом будет или простран-ным, или сжатым, переход к изложению должен быть плавным и не резким. Вся остальная часть исторического сочинения является длинным изложением, поэтому она должна обладать свойственными изложению качествами: течь гладко и ровно, всегда одинаково, без скачков вверх и вниз, отличаться ясностью, что достигается, с одной стороны, способом выражения, как я уже говорил, с другой стороны — соответственным распределением материала. Пусть историк все расчленил и округлит одно, а затем, закончив, переходит

к дальнейшему. При этом одно должно вытекать из другого и быть связано с ним, как связаны между собою звенья цепи, — так, чтобы изложение не разбивалось и не получались отдельные рассказы, один рядом с другим, а чтобы всегда они не только внешним образом соприкасались, но были связаны друг с другом общностью и сливались на границах.

Прежде всего полезна краткость, особенно если нет недостатка в сведениях; и ее надо достигать не столько сокращением числа слов, сколько данными. Я хочу этим сказать, что надо упоминать вскользь мелочи и менее важное, зато достаточно долго останавливаться на крупном; многое можно даже совсем пропустить. Ведь когда ты угощаешь друзей и у тебя все приготовлено, не станешь ты среди пирогов, птиц, вебрей, зайцев, грудинки и всевозможных блюд подавать также соленую рыбу и вареные овощи, потому только, что и это приготовлено, — ты пренебрежешь этими дешевыми вещами. < ... >

Похвала и хула должны быть крайне сдержанными, осторожными, чуждыми клеветы, снабженными доказательствами, краткими, уместными, так как историк говорит не перед судом. Иначе тебя будут обвинять в том, в чем обвиняют Феопомпа, который сварливо осуждал почти все и сделал это своим любимым занятием, так что он более судит, чем излагает события. Если придется к слову, — можно передать и миф, но не следует ему безусловно доверять, лучше не решать этого вопроса, чтобы каждый судил об этом, как захочет; таким образом, ты, не склоняясь ни в ту, ни в другую сторону, будешь свободен от упреков.

В общем же помни следующее — я это часто повторяю: не пиши, считаясь только с настоящим, чтобы современники тебя хвалили или почитали, но работай, имея в виду будущее, пиши лучше для последующих поколений и от них добивайся награды за свой труд, чтобы и о тебе говорили: “Это действительно был свободный человек, исполненный искренности; в нем не было ничего льстивого или рабского, и во всем, что он говорил, заключается правда”. < ... > Так надо писать и историю: правдиво, имея в виду то, чего можно ожидать от будущего, а не льстиво, ради удовольствия современников. Вот тебе правило и мерило истинной исторической книги...